

Плей-лист

Yellow Days – A Little While
Наставшев/Лубенников – Изнемог
The Cinematic Orchestra – To Build a Home
Перемотка – Как тебя покорить
Coldplay – Hypnotised
Sirotkin – Навсегда
Lewis Capaldi – Before You Go
Ляпис Трубецкой – Огоньки
U2 – With or Without You
ANIKV feat. SALUKI - Меня не будет
Ólafur Arnalds – Happiness Does Not Wait
Нина Бродская – Звенит январская вьюга
Michael Kiwanuka – Love & Hate
Свидания – Февраля
Tame Impala – Yes I'm changing
Земфира – Пальто

Глава первая

Все девчонки в нашем классе мечтают выйти замуж за Антона Владимировича. А те, которые говорят, что такого в их мечтах нет, просто нагло врут. Потому что в нашего географа — Золотухина Антона Владимировича, — которого я втайне от всех зову просто Золотко, нельзя не влюбиться.

Новый учитель географии, недавний выпускник педвуза, появился в нашей школе в начале учебного года, но уже успел покорить не одно женское сердце. Не только старшеклассницы вздыхали по Антону Владимировичу, но и добрая половина педагогического состава. Особенно это, конечно, касалось молодых учительниц начальных классов. Они-то и представляли для меня максимальную угрозу. Хотя и взрослые училки уж слишком настойчиво опекали Золотко. Я не раз слышала, как в столовой русичка Ирина Федоровна приветливо выкрикивала:

— Антон Владимирович, идите к нам! Мы вам место заняли. А Тамара Константиновна свежие слойки принесла...

А еще после уроков Ирина Федоровна зазывала Золотко к себе на чаепитие. Разумеется, Ан-

тон Владимирович не мог ей отказать. Потому что он галантный, воспитанный и, возможно, иногда слишком мягкий с коллегами. Ну не может человек отказать женщинам. Тем более женщинам в возрасте, таким как Ирина Федоровна. У них же чудовищная разница в возрасте — лет пятнадцать! Русичке уже под сорок, а она все с молодыми парнями заигрывает...

Конечно, у нас с Золотком тоже немалая разница — целых семь лет. Для кого-то это покажется незначительным препятствием к большой и чистой любви, но в моем возрасте — это целая пропасть. Поэтому пока я даже не предпринимаю никаких попыток завязать отношения со взрослым красивым парнем, который к тому же ведет у нашего одиннадцатого географу. Поэтому остается мне, как и всем моим одноклассницам, сидеть на уроках, подперев кулаком щеку, и мечтательным взглядом гипнотизировать Золотко...

Сегодня Антон Владимирович, как и обычно, одет с иголочки. Эх, я бы все на свете отдала за то, чтобы мой будущий парень (если им все-таки не станет Золотко) был хоть на сотую долю таким же стильным, как наш географ. С зачесанными назад волнистыми волосами цвета шоколада и пронзительными голубыми глазами. Такими чистыми, как весеннее небо.

А еще у географа просто умопомрачительный парфюм. От него можно с катушек слететь. Еле уловимый, но терпкий. Этот запах обычно чувствуешь, только если находишься близко-близко к Антону Владимировичу, например, когда, как ста-

роста класса, ждешь, пока географ заполнит журнал. Все-таки есть у старост бонусы.

Одно время я была одержима этим запахом и даже хотела приобрести такую же туалетную воду, чтобы пользоваться ей самой. Правда, название я так и не осмелилась у него спросить. Это было бы странно. Тогда я пристала с расспросами к девчонкам, не знают ли они, чем душится наш географ. Моя лучшая подруга и соседка по парте, Яна Казанцева, сказала, что у меня просто гормоны бушуют. Для семнадцати лет это нормально. Мне бы мою энергию направить в мирное русло... Помню, как я обиделась на Яну за эти слова. Мы потом не разговаривали пару дней и помирились только на контрольной по химии, потому что обе в этом предмете тупы как пробки и нам нужно было скооперироваться. Видимо, чтобы удвоить свою тупость... Но равнодушие Янки к моей несбыточной мечте меня обижало. Все-таки тяжело, когда близкие тебя не понимают и не воспринимают твои проблемы всерьез. А неразделенная любовь — это проблема. И еще какая! Без взаимности душа плачет, скулит, пустеет. Как Янка этого не понимает?

Я снова так замечталась о Золотке, что не сразу открыла тетрадь по географии. Только когда Яна бесцеремонно пихнула меня локтем, отмерла.

— Наташ, хорош на географа слюни пускать, записывай тему, — сказала мне подруга. И, как мне показалось, сказала как-то чересчур громко. Я смутилась и осмотрелась по сторонам. Но все были увлечены своими делами, и никто не обращал на нас с Яной внимания.

— Можешь это еще громче сказать? — все же буркнула я. — А то, боюсь, Антон Владимирович не расслышал.

Янка равнодушно пожала плечами. Тема урока — «Австралия. Комплексная характеристика страны». Я быстро все записала и снова отложила ручку. Австралия интересовала меня намного меньше, чем наш географ.

И хотя мы с Яной больше не разговаривали, Антон Владимирович смотрел в нашу сторону, и пару раз я встретила с ним взглядом. Оттого сильно разнервничалась и демонстративно уставилась в окно. Каждый раз, когда я замечала на себе взгляд географа, я становилась смущенной и чуточку счастливой. Разумеется, взгляды остальных учителей меня так не волновали. Разве что старый математик внушал ужас, потому что к алгебре и геометрии я приходила обычно не особо подготовленной. Не сдержавшись, я посмотрела в сторону учительского стола и снова встретила с парой голубых глаз. Пока все что-то записывали, Антон Владимирович, явно о чем-то задумавшись, гипнотизировал взглядом нашу с Янкой парту. Я опустила глаза и уставилась в раскрытую тетрадь. От волнения натянула на ладони манжеты пудрово-розовой рубашки. Это была моя любимая рубашка, и, по словам мамы, она очень шла к моим каштановым волосам и светлым глазам. К этой рубашке я подобрала нежные тени и стянула волосы лентой в тон рубашки. Каждый раз, когда в расписании стоял урок географии, я вставляла заранее и целый час наводила перед зеркалом красоту. Мама искрен-

не удивлялась, почему в один день я могу безжалостно проспять школу и выскочить из дома, едва почистив зубы, а в другой день навожу марфет, словно собираюсь на свидание. Но ведь так и было... Я и собиралась на свидание. Безмолвное «свидание» с Антоном Владимировичем, который за весь урок мог всего лишь раз бросить равнодушный взгляд в мою сторону. А может, и не равнодушный?..

Не знаю, замечали ли остальные одноклассники, что пару раз в неделю я приходила в школу особенно нарядной и хорошенькой, и догадывались ли они, в чем дело... Мне плевать. Только Янка быстро просекла «фишку» и часто с самого утра подкалывала меня на эту тему. Но на Казанцеву я не обижалась. Яна — своя.

И все-таки я волновалась. Антон Владимирович сегодня смотрел в мою сторону чаще обычного. Поэтому я непроизвольно нахмурилась и снова уставилась в окно, за которым медленно пролетали одинокие крупные снежинки. Они парили в воздухе, не опускаясь на землю. Уже начало декабря, а снега в городе так и нет. На улице уже рассвело, поэтому Антон Владимирович попросил ребят с первой парты третьего ряда выключить свет в классе. За это я нашего географа тоже была готова расцеловать. Больше всего на свете меня раздражает, когда к естественному свету добавляют искусственный... Моя мама имеет привычку летом, когда еще даже не стемнело, зажигать дома все лампы. Сразу какое-то грустное и непонятное состояние. Когда на улице светло, из-за искусственного света впадаешь в уныние...

Крупные снежинки налипали на окна и тут же таяли. Антон Владимирович убаюкивающе рассказывал нам об огромных пустынях Австралии. Тембр голоса у географа мягкий и приятный. Слушать его лекции — одно удовольствие. Даже Янка притихла. Хотя обычно она пропускает все мимо ушей и торчит на уроках в телефоне.

Однако вскоре утренняя идиллия была нарушена. Сначала перестали сыпать снежинки с неба, а потом дверь кабинета с противным треском отворилась, и на пороге появилась тучная Виола Леонидовна — наш завуч. Антон Владимирович тут же замолчал, и мы все уставились на Виолу в ожидании сообщения. Кто-то, как полагается, поднялся с места, но Виола Леонидовна тут же замахала руками — мол, сидите-сидите, я на секундочку.

— Доброе утро, ребята, — поздоровалась она.

Мы поздоровались в ответ — лениво и вразнобой. Многие с утра были в полусонном состоянии. Несмотря на всеобщую любовь к Антону Владимировичу, не всех воодушевляла география первым уроком. Многие еще клевали носом.

— Антон Владимирович, а я вот вам прогульщика привела, — довольным голосом произнесла Виола Леонидовна и потянула кого-то за рукав. Вслед за завучем в классе нарисовался Тимур Макеев. Как обычно, недовольный, будто ему все на свете должны. — Вот, пожалуйста! Слонялся по коридору.

— И еще бы послонялся немного, — сказал Макеев.

— Ты мне поговори! — погрозила пальцем Виола. Она не отпустила рукав Тимура.

— Спасибо, Виола Леонидовна, — усталым голосом произнес Антон Владимирович.

Макеев с завидной регулярностью прогуливал уроки географии, как, впрочем, и остальные гуманитарные предметы. Он у нас вроде как числился техническим гением, был на хорошем счету у физики и математика, а вот на остальные уроки откровенно забил.

И если другие учителя давно привыкли к выкрутасам Макеева и махнули на его прогулы рукой, то мое Золотко явно задевала такая нелюбовь к его предмету. Антон Владимирович всякий раз, вступая в спор с Тимуром, становился отстраненным и даже немного грустным. Конечно, невозможно нравиться всем. Но когда тебя так демонстративно игнорируют — это очень обидно. Ведь географ-то наш — педагог просто отличный! Его все любят... Ну, а я — больше всех.

— Ладно, я пошла, — сообщила нам Виола. Причем таким ехидным тоном, будто мы могли начать умолять ее остаться. Наконец она отпустила рукав Макеева, и тот молча прошел к своему месту. Антон Владимирович проводил Тимура печальным взглядом, от которого у меня сжалось сердце. Макеев — просто бездушная скотина! Так изводить молодого учителя. Я обернулась к парте Тимура и сердито посмотрела на одноклассника. К тому же я вспомнила, что он еще несколько дней назад по моей просьбе должен был подать заявку на городскую олимпиаду по физике, но до сих пор этого не сделал. А ведь я, как староста класса, должна все заявки проконтролировать. Я от злости только зубами скрипнула. Макее-е-ев!

Невозможный человек! Но Тимуру на мои гневные взгляды, разумеется, было плевать. Он сидел за пустой партией и даже учебник географии доставать не собирался. Кому и что он пытается все время доказать?

— Ты решила в них обоих дырку взглядом протереть? — склонилась ко мне Яна.

— Терпеть его не могу, — сказала я.

— Кого? Макеева? Что он конкретно тебе сделал? — удивилась Казанцева.

— Ты не понимаешь! — горячо воскликнула я.

Янка действительно не понимала. Ей было плевать на то, кто портит Золотку настроение. Да и я в двух словах не могла объяснить, из-за чего злюсь на одноклассника. Поэтому только отмахнулась.

Виола Леонидовна между тем благополучно ушла, а Антон Владимирович устало обратился к Макееву:

— Тимур, какая сегодня причина для прогула моего предмета?

— Все та же, — равнодушно ответил Макеев. — Мне не хотелось сюда приходить.

И если мои одноклассники уже привыкли к выходкам Макеева, я в возмущении заерзала на месте. Янка снисходительно покосилась в мою сторону, а затем снова уставилась в телефон.

— Вот почему он так с Антоном?.. — склонилась теперь я к уху подруги.

— Твой Антон — взрослый мужик, — усмехнулась Казанцева. — Переживет.

Мне снова показалось, что Яна произнесла это слишком громко, поэтому я отстала от нее. Про-

должим этот разговор как-нибудь в другой раз и желательно — не в кабинете географии.

Оставшаяся половина урока прошла совсем не радужно. Было заметно, что грубость Макеева все-таки выбила Антона Владимировича из колеи. Теперь наш географ все меньше говорил, а мы — все больше переписывали в тетрадь огромные абзацы из учебника. Но я не обижалась на Антона Владимировича. Кому понравится, когда к твоему предмету относятся так пренебрежительно? Да и кто? Несмышленный малолетка!

Я все никак не могла справиться со своей злостью. То и дело оборачивалась к Тимуру и награждала его презрительным взглядом. Он так и не разложил вещи и сидел с нарочито равнодушным видом, но Антон Владимирович не делал ему замечаний. Один раз мы с Макеевым все-таки встретились глазами. Одноклассник посмотрел на меня в ответ так же недружелюбно, исподлобья, как и я на него. В ту секунду я и решила, что после урока обязательно допеку Тимура по поводу заявки на олимпиаду. Чтобы жизнь медом не казалась. Привык, что все ему сходит с рук...

Я еле вытерпела до конца урока. Когда прозвенел звонок, первой вскочила из-за парты. Яна удивленно подняла на меня глаза.

— Наташ, ты чего?

Но вместо ответа я принялась заталкивать тетрадь и учебник в рюкзак.

— Потом объясню, — пообещала я.

Мне еще нужно успеть вещи собрать, в то время как Макееву и собирать нечего. Кто его знает, вдруг он снова решит свинтить с уроков? А за-